

процессов, национального состава населения в Эстонии, как и в других регионах страны, есть. Но решать ее путем дифференцированной государственной политики (неважно — в рамках СССР или данной республики) по отношению к различным народам — недемократично и неверно. Одна лишь пропаганда этой политики может ухудшить состояние национальных отношений.

С. В. Чешко

От редакции

Наш журнал публикует уже второй отчет о заседании Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов (первый см. в № 1 за 1989 г.). Читателю может показаться, что заседания Совета не приносят видимой пользы, поскольку полемичность (а ее остроту нам удалось передать лишь отчасти) заметно превалирует над аналитичностью, а формулируемые идеи нередко выглядят несколько декларативными. Думается, такое впечатление было бы не совсем верным.

Оценивая текущий этап разработки концепции национального строительства (точнее сказать, положение вещей в конце осени прошлого года: ситуация в этой области науки настолько динамична, что такое уточнение — не лишне), надо отметить, что работа в данном направлении, уже перешедшая на стадию конкретных проектов, по-прежнему сопровождается оживленными, горячими дискуссиями. Причем споры идут вокруг важнейших, базовых принципов концепции, имеющих не только научно-познавательное, но и политическое значение. Иначе не может и быть. Совершенствование национальных отношений в СССР — это задача «техническая» лишь во вторую очередь. Прежде, чем принимать политические решения, улучшать законодательство по национальному вопросу, разрабатывать другие конкретные меры, необходимо заложить методологические, теоретические и идеологические основы программы реформ. Именно эти вопросы и стоят в центре внимания Межведомственного Совета.

М. В. Крюков

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВСЕСОЮЗНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Исследования современных этнических процессов превратились за последние годы в один из наиболее важных и активно разрабатываемых разделов советской этнографической науки. Теоретическое обоснование понятия «этнические процессы» — достижение советских ученых, закономерно связанное с утвердившимся у нас пониманием этнографии как области общественно-научного знания, изучающего этнические общности во всем многообразии их синхронных и диахронных связей. Неслучайно поэтому ряд существенных наблюдений над закономерностями этнических процессов был сделан еще более полувека назад как раз теми исследователями, которые закладывали в то время основы теории этноса. На необходимость рассматривать взаимоотношения между этническими общностями как «процесс» указывал С. М. Широкогоров¹. Независимо от него

к выводу о значимости изменений этнических свойств во времени пришел еще в начале 20-х годов Н. Я. Марр. Он писал, в частности: «Особенно сильно влияли... на существо картины расселения довольно частые перерождения одних народов в другие и попутно новые внутренние осложнения племенного состава, нарождения новых гибридных, иногда сугубо гибридных, типов. В связи с этим... имеет существенное значение разработка теории о гибридизации и установление ее типов и эпох»². Для обозначения всей совокупности явлений, связанных с «перерождением одних народов в другие», Н. Я. Марр употребил в одной из своих работ термин «этнографический процесс»³. Хотя первые исследования, специально посвященные этой проблематике, появились у нас вскоре после войны, систематическое изучение этнических процессов развернулось лишь в 60-е годы. Итоги накопления фактических данных и их теоретического обобщения были подведены в коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР», получившей высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. В исследованиях Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, Т. А. Жданко и других советских ученых методологически обоснован понятийный аппарат теории этнических процессов, постепенно заимствуемый зарубежными этнографами⁴.

Трудно переоценить значение этих исследований для правильного понимания этнической ситуации, существующей ныне в Советском Союзе, а стало быть, и для осмысления путей оптимизации межэтнических отношений народов СССР. Актуальность этой проблематики остро напомнила о себе в последнее время. Еще несколько лет тому назад при определении путей дальнейшего развития советской этнографии отмечалось, что «в более отдаленной, но реально различимой перспективе встает очень сложная проблема прогнозирования, планирования и управления этническим процессом в его целостном выражении»⁵. Сегодня становится все более очевидной дистанция, отделяющая нас от подступов к реализации этой насущно важной программы. Рассматривая с этой точки зрения все сделанное советскими этнографами для изучения современных этнических процессов в СССР, приходится констатировать, что многое в методологии этих исследований настоятельно нуждается в совершенствовании.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что объектом анализа до сих пор выступают почти исключительно народы, т. е. этнические единицы основного таксономического уровня. Между тем хорошо известно, что этнические общности представляют собой сложные иерархические системы, в которых наряду с собственно этносами в большинстве случаев могут быть выделены единицы более низкого уровня (этнографические группы, или субэтносы), а также группы родственных этносов (для обозначения последних в нашей литературе чаще всего употребляется термин «метаэтническая общность»). Однако этнотрансформационные процессы на уровне субэтносов нами почти совершенно не изучаются, и поэтому выводы о степени внутриэтнической консолидации большинства народов СССР зачастую недостаточно обоснованы фактическим материалом.

Более того, как показала дискуссия, прошедшая в 1988 г. на страницах ежегодника «Расы и народы», у нас нет единства даже в отношении самих критериев выделения уровней этнической иерархии. Напомню, что до недавнего времени большинство авторов ограничивалось признанием того факта, что «часто бывает очень трудно провести принципиальное разграничение между отдельным народом или группой родственных по происхождению и языку народов, обладающих многими сходными, а часто и общими особенностями культуры и отчетливо осознающих свою этническую близость... С другой стороны, нередко бывает очень трудно провести границу между народами (особенно крупными) и входящими в их состав местными „этнографическими группами“...»⁶.

Видные советские этнодемографы отмечали в свое время, что разграничение уровней этнической таксономии представляет трудность даже в тех случаях, когда в распоряжении исследователя имеются подробные статистические данные о национальном составе населения⁷. Тем не менее высказывалось мнение о том,

что «наиболее надежными критериями выделения народов являются показатели национальности или родного языка, применяемые в переписях некоторых стран мира»⁸. Данный тезис дает мне повод более подробно остановиться на вопросах, связанных, с одной стороны, с прикладными аспектами этнографической разработки теоретических основ методики переписи населения СССР (в части, касающейся его этнического состава), с другой — с использованием этнографами результатов всесоюзных переписей как источника для изучения этнических процессов.

Среди этнографов широко распространено представление о том, что переписи населения СССР дают в руки исследователя уникальные материалы, характеризующие тенденции и темпы протекания этнических процессов, поскольку «это самый массовый источник, отражающий одновременно и социально-культурные условия развития этноса, и этнокультурные процессы. В программы переписей наряду с социально-экономическими и демографическими характеристиками включены и этнические показатели. Сопоставимость данных отдельных переписей позволяет не просто фиксировать социально-культурные процессы, но и исследовать их в динамике»⁹.

Известно, что перепись 1920 г. охватила не всю территорию страны, и поэтому ее результаты обычно не учитываются при рассмотрении вопроса о трансформации этнического состава населения СССР. Что касается переписи 1926 г., то согласно ее данным, в СССР проживало тогда 190 народов. Численность 12 из них оказалась незначительной, и поэтому разработка материалов переписи была проведена по 178 народам. Число этносов, основная территория которых находится преимущественно в пределах СССР, составило по этим данным 169¹⁰.

Немногим более 10 лет после этого в СССР была проведена очередная перепись населения¹¹, выявившая лишь 100 с небольшим народов, причем опубликованные данные имели отношение лишь к 62 этническим общностям.

Спустя 20 лет, по данным переписи 1959 г., в СССР проживало 109 народов¹². Затем на протяжении последующих 20 лет, как о том свидетельствовали опубликованные результаты переписей 1970 и 1979 гг., ситуация практически не претерпела изменений¹³.

Используя эти данные для характеристики процессов консолидации, свойственных народам СССР на современном этапе, Ю. В. Бромлей полагал, что различия в числе народов, фигурировавших в переписях 1926 и 1959 гг. (178 и 109), свидетельствуют об объективной тенденции уменьшения мозаичности населения нашей страны. С другой стороны, поскольку перечень народов, выделенных переписью 1979 г., не отличается от соответствующих показателей переписи 1959 г., Ю. В. Бромлей пришел к выводу о том, что в настоящее время «пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала»¹⁴.

Оба тезиса имеют принципиальное значение для общей оценки направления и степени интенсивности современных этнических процессов в СССР. Однако с ними трудно согласиться. Прежде всего, будучи динамической системой, этнос в то же время обладает значительной устойчивостью, и изменения в структуре этноса даже при наличии благоприятных условий происходят довольно медленно. Чаще всего изменение индивидуумами их этнической принадлежности начинает сказываться во втором поколении и дает ощутимые результаты лишь в третьем. Поэтому трех десятилетий лет, разделяющих переписи 1926 и 1959 гг., явно недостаточно для исчезновения с этнической карты целых народов. Далее остается неясным, почему в 60—70-х годах степень интенсивности консолидационных процессов существенно снизилась по сравнению с предшествующим временем. По-видимому, и в том, и в другом случае данные переписей населения не самоочевидны как основание для суждения об обусловивших их этнических процессах.

Эти обстоятельства объясняют нам появление в 1967 г. статьи С. И. Брука

и В. И. Козлова, в которой были сделаны существенные оговорки в отношении достоверности обсуждаемых нами материалов. Значительный разрыв в данных об этническом составе населения СССР в 1926 и 1959 гг. может быть вызван, по мнению авторов, воздействием какой-то одной из трех следующих причин или же их совокупностью: 1) действительным изменением этнического состава населения страны; 2) изменением установок, положенных в основу переписей; 3) погрешностями производства переписи на местах¹⁵.

По-видимому, третий фактор, хотя его и следует иметь в виду, вряд ли мог существенно повлиять на общие результаты переписей. Таким образом, вопрос сводится фактически к тому, считать ли приведенные выше изменения следствием фактически имевших место этнических процессов или же объяснять их иными, субъективными причинами, связанными с трансформацией «установок переписи».

Анализируя соотношение этих двух факторов, С. И. Брук и В. И. Козлов допускали, что расхождения в материалах переписей могли зачастую объясняться реальными последствиями внутриэтнической консолидации, межэтнической ассимиляции и сближения народов в пределах крупных историко-этнографических областей. Так, последующими переписями не были зафиксированы такие относительно крупные общности, как мишари (в 1926 г. численность их составила 243 тыс.), мегрелы (243 тыс.), талыши (77 тыс.), аджарцы (71 тыс.), кряшены (54 тыс.), таранчи (53 тыс.), курама (50 тыс.), кипчаки (34 тыс.), тептяри (27 тыс.) и т. д. По поводу мишарей, кряшен и нагайбаков С. И. Брук и В. И. Козлов писали, что основная их часть, вероятно, консолидировалась с татарами. То же относится к мегрелам, сванам и лазам, входящим в состав грузин; кипчакам, тюркам и кураминцам — в состав узбеков; иезидам — в состав курдов и т. п. Однако, подчеркивали тогда С. И. Брук и В. И. Козлов, роль этнических процессов в возникновении расхождений между результатами переписей в ряде случаев все же не была определяющей¹⁶.

Позднее В. И. Козлов снова вернулся к вопросу о причинах «исчезновения» некоторых этнических общностей, зафиксированных переписью 1926 г., и указал на «уточнение этнической номенклатуры, более четкое отграничение собственно народов от различных находящихся в их составе или сливающихся с ними этнических подразделений»¹⁷. Если это действительно так, то наибольшие успехи в изучении проблем этнической иерархии были, вероятно, достигнуты в течение десятилетия между 1926 и 1939 гг.

Но история нашей науки говорит совсем о другом. Начало 30-х годов стало периодом, когда начавшиеся ранее исследования в области теории этноса были прерваны. На этнографическом совещании 1929 г. декларировалось, что основным объектом исследования в этнографии являются не этнические общности, а «социально-экономические формации в их конкретных вариантах»¹⁸. По признанию Д. К. Зеленина, исследования советских этнографов в 30-е годы были «не столько теоретические, сколько практические»¹⁹. Впрочем, даже если бы в тот период и было бы что-то сделано в области критериев отграничения этноса от субэтноса, все равно этнография, низведенная тогда до положения «вспомогательной исторической дисциплины»²⁰, никак не могла повлиять на совершенствование установок переписей.

С. И. Брук в ряде своих работ последних лет неизменно настаивает на том, что сама формулировка вопроса о национальности в переписном листе 1926 г. во многом отличалась от последующих переписей и это отрицательно сказалось на результатах первой всесоюзной переписи населения в данном ее аспекте. Вот что писали по этому поводу С. И. Брук и В. М. Кабузан: «В переписи населения 1926 г. был включен вопрос о народности. В разъяснении к ответу на этот вопрос указывалось: „Перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения... Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят“... Такая постановка вопроса не могла не оказать влияния на данные

о численности отдельных народов, что затрудняет сравнение их с данными последующих переписей»²¹. И далее: «В переписи населения СССР 1926 г., в целом проведенной на высоком научном уровне, из-за определенной направленности вопроса о народности..., по нашему мнению, не только преувеличена численность отдельных народов, наиболее активно взаимодействовавших с соседними этносами, но и названы в качестве самостоятельных народов многие этнические образования, фактически представляющие собой этнографические группы»²².

Разъясняя суть первого из этих двух недостатков, С. И. Брук и В. М. Кабузан утверждают, что программа переписи 1926 г. была нацелена фактически на определение этнического происхождения и поэтому недостаточно учитывала протекавшие в то время этнические процессы: «Этнически переходные группы, с течением времени приобретшие более четкое самосознание, при ответе на прямой вопрос о национальности в последующих переписях населения стали причислять себя к другому этносу»²³. Между тем, на мой взгляд, если в разъяснении к ответу на вопрос о народности и содержалась тогда какая-то особая направленность, то в случае с переходными группами населения она ориентировала отвечающего именно на выявление его нового, формирующегося этнического самосознания, так как фиксировала «народность, к которой в настоящее время себя относит», а не «народность своих предков». Во всяком случае у нас нет видимых оснований для утверждения, будто бы инструкция к этой переписи была нацелена на определение этнического происхождения.

Что касается второй особенности установок переписи 1926 г., то по мнению С. И. Брука, вопрос об этнической принадлежности был поставлен в ней так, чтобы определить, как сказано в инструкции, «племенной» этнографический состав населения²⁴. Между тем ни сама формулировка вопроса («К какой народности причисляет себя отвечающий»), ни употребление в инструкции термина «племенной состав населения» не дают повода говорить о какой-то особой, иной по сравнению с последующими переписями, нацеленности вопроса об этнической принадлежности. Не следует думать, что авторы разъяснений к переписному листу 1926 г. вкладывали в слова «племя» и «народность» тот же самый смысл, который закрепился за ними, начиная с 50-х годов, после выхода в свет сочинения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Нужно вспомнить, что В. И. Ленин называл «родственными славянскими племенами» русских, украинцев и белорусов²⁵. В практическом словоупотреблении у некоторых этнографов и этнодемографов термины «племя» и «народность» были синонимами, у других же их соотношение было совершенно иным, чем то, к которому мы привыкли. Так, С. К. Патканов в своих разработках результатов Всероссийской переписи 1897 г. при рассмотрении «географического распространения отдельных народностей и племенных групп» имел в виду «народности или ветви, входящие в состав каждой из этих племенных групп»²⁶. При составлении списка народностей Сибири, опубликованного в 1923 г., этот авторитетный ученый также исходил из представления о «племенных группах, распадающихся в свою очередь на народности»²⁷. Обобщая сведения об этническом составе населения СССР, И. И. Зарубин писал о русских, как о «наиболее многочисленной народности Союза», и в то же время относил к числу народностей также телеутов, карагасов, долган и т. д.²⁸.

Итак, вывод о какой-то особой направленности вопроса об этнической принадлежности в переписи 1926 г. не находит фактического подтверждения. Это возвращает нас к еще одному объяснению столь значительного разрыва в данных об этническом составе населения СССР по результатам первой и всех последующих переписей, сформулированному в свое время С. И. Бруком и В. И. Козловым: начиная с переписи 1939 г. общее число этнических наименований, относящихся к этническому составу населения нашей страны, было искусственно сокращено²⁹, в чем наглядно проявилось стремление обогнать реально развивающиеся процессы этнической консолидации³⁰.

Не будет преувеличением сказать, что в начале 30-х годов в советской этнографии сложилось примерно то же положение, которое позже возобладавало в биологии, где изучение фундаментальных законов генетики, объявленное буржуазной лженаукой, было подменено бесплодными поисками способа в кратчайшие исторические сроки вывести ветвистую пшеницу. Фактическое прекращение таких бы то ни было исследований в области теории этноса открыло дорогу, если так можно выразиться «этнографическому волюнтаризму», проявившемуся, скажем, при определении этнических подразделений основного уровня в Южной Сибири. Так, к началу нашего столетия на Алтае проживали различные тюркоязычные этнические общности — теленгиты (самоназвание чу-кижи), алтайцы (алтай-кижи), телесы (улаан-кижи), тубалары (туба-кижи), челканцы (куу-кижи), шорцы (шор-кижи) и др. Этнографические, лингвистические, антропологические исследования показывают, что перечисленные общности объединялись в две группы — южную и северную, обнаруживающие резкие различия в культуре и быте, языке, физическом типе³¹. Тем не менее они были объявлены алтайцами — единым народом, который в качестве «самоназвания» получил в административно-приказном порядке наименование одного из своих подразделений. Такого рода примеры, к сожалению, не единичны³². Необоснованное стремление искусственно подтолкнуть реально протекающие процессы этнической консолидации, отчетливо ощущавшиеся в нашей общественной жизни вплоть до самого последнего времени, имело своим результатом преуменьшение различий на уровне субэтносов. Отнюдь не случайно, что намеченная первоначально разработка материалов переписи 1959 г. по отдельным этнографическим группам азербайджанцев, грузин, узбеков, даргинцев, аварцев и ряда других народов так и не была осуществлена.

Здесь мы подходим к вопросу о том, что итоги переписи, имеющие отношение к выявлению этнического состава населения страны, зависят не столько от той или иной «направленности» вопроса об этнической принадлежности опрашиваемых, сколько от конкретной процедуры разработки полученных данных. По существующей традиции переписи населения предшествует составление списков народов. По мнению С. И. Брука и В. И. Козлова, «группировка этнических и лингвистических наименований, проводимая в них, не только кладется в основу переписи населения, но в какой-то степени предопределяет ее результаты»³³. Однако эта мысль выражена в данном случае слишком осторожно и недостаточно определено. Нет никакого сомнения в том, что в отличие от других пунктов программы переписи ее окончательные итоги, касающиеся этнического состава населения страны, целиком и полностью зависят от того, какой список народов положен в основу разработки данных переписи. Другими словами, на «выходе» мы можем получить только тот результат, который был нам заранее известен и зафиксирован уже «на входе».

В этой связи обнаруживается резкое противоречие в подходе к фиксации единиц этнического состава населения, с одной стороны, в ходе переписи, с другой — в процессе обобщения полученных данных.

Известно, что этническая принадлежность опрашиваемых при переписи населения устанавливается у нас в соответствии с принципом определения национальности самим респондентом без какого-либо воздействия со стороны. Этот принцип был сформулирован еще в 1872 г. на 8-й сессии Международного статического конгресса³⁴. Правда, во время переписи населения России в 1897 г. он не использовался и соответствующий вопрос о национальности был заменен вопросом о родном языке³⁵. Тем не менее, начиная с 1920 г. в переписной лист неизменно включается прямой вопрос об этнической принадлежности. При проведении переписи 1920 г. опрашиваемый должен был ответить на вопрос «к какой национальности себя относит», причем в инструкции отмечалось: «Под национальностью понимается группа населения, объединенная общностью национального самосознания». При переписи 1926 г. фигурировал вопрос о «народности», а в соответствующей инструкции специально подчеркивалось,

что «определение народности предоставлено самому опрашиваемому и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого». В 1939 г. «народность» была заменена «национальностью»; пояснение в данном случае сводилось к тому, что «в переписных листах необходимо записывать национальность, к которой относит себя сам опрашиваемый». Та же формулировка была сохранена и в инструкции к переписи 1959 г. В период подготовки к переписи 1970 г. С. И. Брук и В. И. Козлов предложили вернуться к некоторым положениям переписи 1926 г. и указать в инструкции: «Определение национальности (народности) предоставлено самому опрашиваемому (для малолетних детей — их родителям); при записи ее не следует переделывать ответов опрашиваемых или влиять на них путем подсказов»³⁶.

Такая постановка вопроса является совершенно правильной; она находится в полном соответствии с современными представлениями советских этнографов о сущности этноса и об этническом самосознании как важнейшем среди этнических признаков, поскольку «взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности»³⁷.

Однако последовательное осуществление принципа самоопределения этнической принадлежности при заполнении опросных бланков полностью сводится на нет процедурой разработки полученных данных, в основу которой кладется заранее составленный список народов. Поэтому, например, сколько бы опрошенных ни назвало себя «сванами», все равно в выходных данных переписи сваны не будут фигурировать в качестве самостоятельной общности, поскольку в исходный список народов они включены как этнографическая группа грузин и т. д. Наглядный пример зияющего разрыва между декларируемыми принципами и возможностями их реализации, столь характерного для многих сторон нашей общественной жизни!

Заметим при этом, что начиная с 1958 г. составляемые перед каждой очередной переписью списки народов СССР оставались практически неизменными. Это ли не главная причина того, что, как полагают, к этому времени пора наибольшей активности межэтнических и внутриэтнических консолидационных процессов уже миновала?

Ознакомление с издающимися у нас списками народов СССР свидетельствуют об одном важном обстоятельстве. Несмотря на то что сложилась устойчивая традиция основываться при определении национальности на этническом самосознании опрашиваемого, представление о самоназвании как непосредственном и наиболее очевидном внешнем выражении этнического самосознания не получило в рассматриваемых нами списках народов СССР сколько-нибудь последовательного отражения. Правда, в них приводятся самоназвания выделенных этнических общностей, но сделано это чисто формально и функции самоназваний там практически не проанализированы.

Так, в справочнике «Народы СССР»³⁸ не сделано каких-либо выводов из того факта, что общее самоназвание у некоторых общностей отсутствует, а отдельные их подразделения имеют свои собственные не совпадающие между собой самоназвания. Примером могут служить осетины (самоназвания — ирон, дигор), энцы (маду и пэбай), коряки (чавчыв и нымылъын) и т. д. С другой стороны, авторы справочника не придают значения тому, что некоторые общности, фигурирующие в списке как разные народы, имеют одно и то же самоназвание (адыге — у адыгейцев, кабардинцев и черкесов; коми-морт — у коми и коми-пермяков; нани — у нанайцев и орочей и т. д.). Часто вместо собственно самоназваний в этом издании приводятся производные от них русские этнонимы — сваны вместо шванар, агулы — вместо агулар и пр.³⁹

В «Словаре национальностей», изданном на основе указанного справочника,

эти недостатки усугубляются тем, что помимо самоназваний в графе «Другие названия, которые могут встретиться в переписных листах» приводятся также «синонимы», в число которых авторы включили как название данного народа в языках его соседей, так и наименования входящих в его состав субэтнических подразделений, а также устаревшие русские этнонимы и т. д. Например, к алтайцам отнесены алтай-кижи (самоназвание одной из групп алтайцев), ойроты (распространенное в прошлом ошибочное наименование всей сборной группы в целом), черневые татары, кумандинцы, майминцы (русские названия отдельных подразделений алтайцев), тубалары (русский этноним, производный от самоназвания одного из этих подразделений) и пр.⁴⁰ Правильно ориентироваться в подобном недифференцированном и бессистемном перечислении различных по своему характеру этнических наименований местным работникам действительно было нелегко.

Достойно сожаления то обстоятельство, что сказанное в значительной мере относится и к «Списку народов СССР», приложенному к статье С. И. Брука и В. И. Козлова⁴¹. В нем также отсутствует принципиальное разграничение самоназваний (эндоэтнонимов) и наименований, данных со стороны (экзоэтнонимов). Между тем экзоэтнонимы в большинстве случаев вообще не имеют отношения к сфере выражения этнического самосознания. К тому же они нередко неадекватно отражают существующие этнические общности. В XVIII в. в России «немец» означало не только немцев, но и голландцев, датчан и т. д.; для обозначения этнической общности, называвшей себя «саха», русские в свое время заимствовали эвенкский экзоэтноним «якуты», в результате чего этот народ оказался противопоставленным «долганам», хотя и они также используют самоназвание «саха» и т. д.

Нельзя признать удачным и предложенный С. И. Бруком и В. И. Козловым способ разграничения народов, имеющих общее самоназвание, посредством указания на их язык. Например, по мнению авторов, люди, называющие себя «адыге» и говорящие на кабардинском языке, являются кабардинцами; «адыге» с родным адыгейским языком — это адыгейцы; этническая общность с тем же самоназванием, но пользующаяся черкесским языком — черкесы⁴² и т. д. Между тем кабардинцы и черкесы говорят практически на одном языке: искусственное противопоставление кабардинского и черкесского языков основано исключительно на различных экзоэтнонимах общности, имеющей общее самоназвание.

Вообще соотношение ответов на вопросы о национальности и о родном языке заслуживает более пристального внимания. С. И. Брук и В. И. Козлов совершенно правы, настаивая на сохранении в опросном бланке вопроса о родном языке, несмотря на сомнения, выразившиеся по этому поводу некоторыми статистиками.

Хотя язык не играет роли главного этнического определителя, значительный интерес представляют случаи, когда ответы на вопросы о национальности и родном языке не совпадают между собой. В выходных данных переписи 1959 г., например, оказалось, что более 43 тыс. таджиков говорят на рушанском, шугнанском и других языках восточноиранской группы⁴³. Если бы эти данные отражали реальную действительность, пришлось бы признать, что изменения в этническом самосознании могут опережать соответствующие изменения в языке. Однако подобная ситуация невозможна, так как этническое самосознание представляет собой результату действия всех без исключения объективных признаков этноса, в том числе и языка, вследствие чего переход этноса на другой язык обычно предшествует изменению его самосознания. Таким образом, указание на то, что часть таджиков говорит по-шугнански, по-рушански и т. д., может свидетельствовать лишь о неправомочности отнесения их к таджикам.

Сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы утверждать: применяемая при всесоюзных переписях разработка ответов на вопрос о национальности, т. е. группировка их в соответствии с априори составленным списком народов

не только в корне противоречит применяемому при заполнении этого пункта переписного листа принципу самоопределения национальности, но и лишает тем самым полученные данные какой-либо научной ценности для изучения этнического состава населения страны. Вполне понятно поэтому выражавшееся накануне переписи 1970 г. желание этнографов получить в свое распоряжение «чистые» материалы, не подвергшиеся предварительной обработке, — данные о численности народов в том виде, как они были даны в переписных листах, т. е. без группировки⁴⁴. К сожалению, это предложение так и осталось неосуществленным. Результаты переписей 1970 и 1979 гг. были опубликованы в обобщенном виде, что в значительной мере обесценило их.

Здесь кажется уместным напомнить ту хорошо известную истину, что на протяжении последних десятилетий советские обществоведы вообще испытывают прогрессирующий дефицит доступного для исследования статистического материала. Достаточно сказать, что данные переписи населения 1926 г. были опубликованы в 56 томах, 1959 г. — в 17 томах, 1970 г. — в семи томах, 1979 г. — в одном томе. В условиях проходящей в стране перестройки уже видны первые признаки нового подхода статистических органов к проблемам публикации такого рода данных. Хочется надеяться, что при издании очередной всесоюзной переписи печальная традиция непрерывного сокращения объема публикуемой информации будет наконец преодолена.

С другой стороны, актуальной практической задачей советских этнографов является обеспечение переписи населения теоретическим обоснованием, соответствующим современному уровню исследований в области теории этноса.

Выше уже говорилось о том, что принципиально важное звено в определении этнического состава населения — решение вопроса о таксономии этнических общностей и выявление единиц основного уровня (народов, или этносов) в отличие от их субэтнических подразделений. Между тем существующий в настоящее время список народов СССР восходит в своей основе к перечню национальностей, составленному в 1958 г. в условиях отсутствия должной методологической базы. Нам необходимо сегодня преодолеть прочно укоренившуюся иллюзию того, будто бы все вопросы, связанные с определением этнического состава населения Советского Союза, уже давно и однозначно разрешены. Признание решающей роли самосознания в общей совокупности специфических свойств этноса и представление об этническом самоназвании как о непосредственном и конкретном выражении этнического самосознания подсказывает целесообразность начинать работу по определению уровней этнической иерархии с «инвентаризации» самоназваний народов, как это уже предлагалось некоторыми исследователями⁴⁵.

Поистине уникальную возможность для этого может дать нам всесоюзная перепись населения. Цель получения информации обо всех реально бытующих в настоящее время этнических самоназваниях будет достигнута, если изменить формулировку вопроса об этнической принадлежности опрашиваемых и изложить его следующим образом: «К какой национальности себя относите? Укажите название Вашей национальности на своем родном языке».

Такая формулировка вопроса об этнической принадлежности, на мой взгляд, позволила бы устранить погрешности в интерпретации материала, связанные с частичным несовпадением объема содержания этнического самоназвания и русского наименования того или иного народа (примеры тому приводились выше).

В инструкцию к заполнению данной графы опросного листа следовало бы включить недвусмысленное указание на то, что ответ опрашиваемого должен основываться целиком и полностью на его самосознании принадлежности к этнической общности. Необходимо элиминировать при этом возможное воздействие, оказываемое на респондента соответствующей записью в его паспорте. После введения в СССР в 30-х годах паспортной системы при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако затем он был

ограничен национальностью родителей. Правы исследователи, подчеркивающие, что запись о национальности в паспорте может в ряде случаев существенно затруднить опрашиваемому проявление его фактического самосознания, а стало быть, в конечном счете исказить действительную картину этнической структуры населения⁴⁶.

В инструкции к заполнению графы об этнической принадлежности должно быть также оговорено право опрашиваемого не давать прямого ответа на поставленный вопрос (такое право оговорено законодательными актами некоторых социалистических стран). Современные исследования показывают, что наши прежние представления об обязательной принадлежности каждого человека в любой точке земного шара к какому-то определенному этносу требуют коррективов. Значительные группы населения могут не обладать четко выраженным этническим самосознанием, что связано с нестабильным, переходным этническим состоянием, перерастающим порой в полную безэтничность.

В заключение следует коснуться еще одного важного аспекта проблемы. Применяемая в настоящее время машинная обработка полученных переписью данных закономерно требует того, чтобы в процессе переписи они были соответствующим образом закодированы. Между тем кодирование ответов на вопрос об этнической принадлежности делает необходимым предварительное составление списка народов. Использование же такого списка при обработке полученных сведений, как я стремился показать в предшествующем изложении, сводит на нет принцип самоопределения этнической принадлежности. Возможен ли выход из этого порочного круга?

Представляется, что выходом из положения была бы следующая процедура. Во время проведения переписи ответы на вопрос об этнической принадлежности не кодируются и фиксируются в словесной форме. На следующем этапе совокупность полученных ответов подвергается систематизации, затем составляется перечень всех встретившихся в ходе переписи этнонимов. Специалисты разрабатывают на этой основе список этнических общностей, максимально полно отражающий реальное этническое самосознание опрошенных в ходе переписи. И уже на основании этого списка осуществляется последующее кодирование ответов о национальности. Разумеется, предложенная процедура сложнее принятой и применение ее приведет к увеличению времени, необходимого для разработки результатов переписи. Однако есть основания полагать, что этот недостаток будет в конечном итоге компенсирован полученным результатом — адекватной информацией об этническом составе страны, дефицит которой мы ощущаем.

Нельзя не отметить, что теоретические изыскания в области изучения исторических закономерностей формирования этнонимии в целом и этнических самоназваний как ее наиболее существенной составной части у нас еще только начинаются⁴⁷. То, что сделано в этом направлении, чаще всего связано с выяснением этимологии тех или иных самоназваний. Но в свете обсуждаемых нами проблем гораздо важнее создание обоснованной типологии этнических самоназваний, исследование морфологических особенностей самоназваний у этнических единиц различного таксономического ранга, выявление исторического соотношения экзо- и эндоэтнонимов. Представляется, что изучение этого круга вопросов должно стать одним из главных направлений работы группы этнической ономастики Института этнографии АН СССР.

Как уже отмечалось в ходе дискуссии по проблемам иерархии этнических общностей, развернувшейся в 1988 г. на страницах ежегодника «Расы и народы», анализа одних лишь этнонимов для решения задачи установления таксономической соотнесенности этнических общностей различного ранга, разумеется, недостаточно. Помимо этнического самосознания, выраженного в самоназвании, предлагалось прибегнуть к лексико-статистическим исследованиям языка, которые позволяют установить структурную дистанцию между выявленными этническими единицами. Еще одним звеном в процессе определения единиц основного уровня могли бы стать поиски эндогамных барьеров, разде-

ляющих этносы⁴⁸. Последовательное применение указанных критериев (этническое самоназвание, степень языковой близости идентифицированных на основе самоназваний этнических единиц, локализация основных эндогамных барьеров) позволит, с моей точки зрения, подойти к созданию научно обоснованной таксономической классификации народов СССР, которая может быть впоследствии использована в качестве основы для суждений о характере и тенденциях этнических процессов. Сказанное, разумеется, не исключает использование также и иных методов, но лишь при условии их операциональности.

Углубленное изучение этнического состава населения СССР и конкретизация на этой основе наших представлений о современных этнических процессах будут способствовать разработке программы оптимизации межэтнических отношений в нашей стране, имеющих столь существенное значение для дальнейшего развития советского общества.

Примечания

¹ *Shirokogoroff S. Psychomental Complex of Tungus. L., 1935. P. 12.*

² *Март Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920. С. 12.*

³ *Март Н. Я. Избранные работы. Л., 1935. Т. 5. С. 184.*

⁴ Показательно, что, например, в КНР отношение этнографов к понятию «этнические процессы» претерпело за последнее десятилетие заметную эволюцию. Если на Первой всекитайской этнографической конференции 1980 г. в выступлениях ряда специалистов прозвучала явно негативная реакция на советские исследования в области этнических процессов, то уже несколько лет спустя в научной печати появился первый критический обзор состояния этнографической науки в СССР, в котором работы по этому кругу проблем были оценены объективно и положительно (*Хэ Гоань. Изучение актуальных вопросов современности в советской этнографической науке // Миньцзусюэ яньцзю. Вып. 8. Пекин, 1986. (на кит. яз.). С. 63—66.* В настоящее время все чаще обращается внимание на необходимость изучать этнические процессы, протекающие в Китае (см., в частности: *И. Мин. О разработанной советскими этнографами теории этнических процессов // Чжунъян миньцзю сюэюань сюэбао. 1988. № 2 — на кит. яз. — С. 29).*

⁵ *Пименов В. В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Сов. этнография 1986. № 5. С. 11.*

⁶ *Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 95—96.*

⁷ *Брук С. И., Козлов В. И. Основные проблемы этнической картографии // Сов. этнография 1961. № 5. С. 34.*

⁸ *Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 18.*

⁹ *Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов // Сов. этнография. 1983. № 5. С. 14.*

¹⁰ *Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. XVII. С. 106—107.*

¹¹ *Подр. см. Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1957.*

¹² *Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962. С. 184—18'*

¹³ *Всесоюзная перепись населения 1970 г. М., 1976; Всесоюзная перепись населения 1979 М., 1984.*

¹⁴ *Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 330—331.*

¹⁵ *Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Сов. этнография. 1967. № 6. С. 7.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1975. С. 5—6.*

¹⁸ *Совещание этнографов Москвы и Ленинграда // Этнография. 1929. № 2. С. 118.*

¹⁹ *Зеленин Д. К. Народы Крайнего Севера СССР после Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. этнография. 1938. № 1. С. 50.*

²⁰ *15 лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи // Сов. этнография. 1933. № 1. С.*

²¹ *Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. этнография. 1982. № 5. С. 4 (прим. 4).*

²² Там же. С. 16 (прим. 28).

²³ Там же. С. 16.

²⁴ *Брук С. И. Все гораздо сложнее // Расы и народы. 18. М., 1988. С. 41 (прим.*

²⁵ *Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 317.*

²⁶ *Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири и роды инородцев. Т. I. СПб., 1912. С. 29.*

²⁷ *Патканов С. К. Список народностей Сибири. Пг., 1923. С. 3.*

²⁸ *Список народностей СССР / Сост. под редакцией И. И. Зарубина. Л., 1927. С. 5, 27,*

²⁹ *Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С*

- ³⁰ Там же. С. 8.
- ³¹ *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 17—21.
- ³² *Крюков М. В.* Этнос и субэтнос // *Расы и народы*. 18. М., 1988.
- ³³ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 13.
- ³⁴ Подробнее см.: *Демографический энциклопедический словарь*. М., 1985. С. 385.
- ³⁵ «Предлагать населению прямо вопрос о его национальности было ввиду разных соображений признано неудобным» — писал С. П. Патканов (См. *Патканов С. П.* Статистические данные... С. II), но не объяснял, чем это было вызвано.
- ³⁶ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 8.
- ³⁷ *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. С. 99.
- ³⁸ *Народы СССР. Краткий справочник*. М.; Л., 1958.
- ³⁹ Там же. С. 13, 14, 17, 20, 22, 29, 33.
- ⁴⁰ *Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа*. М., 1959.
- ⁴¹ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 16—20.
- ⁴² Там же. С. 17.
- ⁴³ Там же. С. 8.
- ⁴⁴ Там же. С. 14.
- ⁴⁵ *Ян Кунь.* Этноты и субэтнические подразделения // *Чжунъян миньцзу сюэюань сюэбао*. 1984. № 4. С. 87 (на кит. яз.).
- ⁴⁶ *Козлов В. И.* Национальности СССР. С. 230—231; *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика численности и расселения русских. С. 17.
- ⁴⁷ См., например: *Этнонимы*. М., 1970; *Этническая ономастика*. М., 1984 и др.
- ⁴⁸ Подр. см.: *Крюков М. В.* Этнос и субэтнос.